

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94.63.3(0)4

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕЕ РАЗВИТИЯ У АНГЛОСАКСОВ В VII – НАЧАЛЕ IX ВЕКА

А.Г. Глебов

Воронежский государственный университет,
кафедра истории Средних веков и зарубежных славянских народов
E-mail: aglebov@edu.vrn.ru

Статья посвящена одному из важнейших аспектов становления и развития государственности у англосаксов – возникновению, сущности и эволюции королевской власти в VII – начале IX века. На основе анализа различных исторических источников исследуются представления англосаксов о происхождении королевских династий, вопросы о порядке наследования престола, правах и прерогативах королей англосаксов, изменения в понимании королевского статуса и функций королевской власти, во внешнем виде правящих персон и атрибутике в это время.

Ключевые слова: англосаксы, ранняя государственность, эволюция королевской власти, происхождение королевских династий, порядок престолонаследия, права и прерогативы королей, атрибутика королевской власти.

The King's Power and the Basic Tendencies of its Development during the Anglo-Saxon Period from VII c. till the Beginning of the IX Century

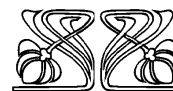
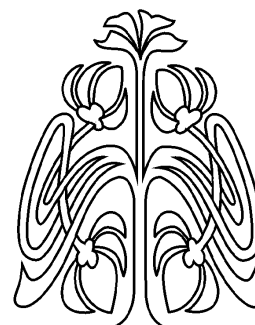
A.G. Glebov

The article focuses on one of the main aspects of the formation and development of the Anglo-Saxon state system – the emergence, essence and evolution of the Royal power from the VII c. till the beginning of the IX century. Considering the analysis of different historical resources the author examines the ideas of the Anglo –Saxons about the emergence of the royal dynasties, the issues connected with the order of the succession to the throne, the rights and the prerogatives of the Anglo-Saxon kings, the changes in understanding the king's status and the functions of the royal power, in the appearance of the ruling clique and the attributes of the VII c. till the beginning of the IX century.

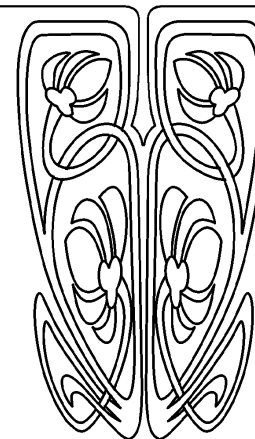
Key words: the Anglo-Saxons, early state system, evolution of the Royal power, the emergence of the royal dynasties, the order of the succession to the throne, the rights and the prerogatives of the kings, the attributes of the royal power.

Становление и развитие государственности у англосаксов является одним из наиболее сложных и спорных вопросов истории раннесредневековой Англии. Проблемы времени формирования и характера ранних англосаксонских королевств, их германских или позднеримских истоков, роли королевской власти и знати в процессе оформления государственности и ее отдельных структурных элементов, а также влияния церкви в этом процессе как в отечественной, так и в англо-американской историографии продолжают оживленно обсуждаться и нередко решаются с диаметрально противоположных позиций. Даже хронологические рамки возникновения государства у англосаксов остаются предметом дискуссий. Если А.Я. Гуревич и К.Ф. Савело относят их переход к государственности к рубежу VI–VII вв.¹, то А.Р. Корсунский – лишь к концу VII столетия². В зарубежной историографии высказывались предположения как о том, что государство у англосаксов существовало уже в V–VI вв.³, так и о том, что чуть ли не до X в. англосаксонские королевства представляли собой родоплеменные объединения⁴.

Среди выделенных тем центральное место занимают вопросы о возникновении и сущности королевской власти у англосаксов, о тех эта-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пах, которые она прошла в ходе своей эволюции, о ее месте в складывании сначала раннеклассовой, а затем и раннефеодальной государственности⁵.

Подлинный характер самых ранних форм королевской власти у англосаксов, по всей видимости, навсегда останется для нас загадкой в силу состояния источников. Первое упоминание о королях германцев содержится, как известно, у Тацита, который рассматривает существующую у них королевскую власть, скорее, как исключение, нежели правило. С другой стороны, его сообщения заставляют допустить, что уже в I в. н.э. у отдельных, особенно у восточных и северных, германских народов существовали некие протогосударственные образования во главе с королями, делившими власть с военными предводителями-вождями (*reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*). «Король или вождь» (*rex vel princeps*) первыми берут слово в народном собрании, но при этом управляют, скорее, силой авторитета (*auctoritate suadendi*), нежели посредством приказа. Королю частично достаются штрафы за правонарушения; он также участвует в отправлении религиозного культа. Таким образом, в описании Тацита власть германского короля представляется отнюдь не монархической и деспотичной, а, прежде всего, традиционной и религиозной. В то же время весь контекст изложения римского историка наводит на предположение о том, что чем дальше тот или иной германский этнос располагался от границ Империи, тем сильнее была власть короля⁶.

Вряд ли есть основания сомневаться в том, что северо-западные германцы, в том числе англосаксы, были знакомы с институтом королевской власти еще в период их пребывания на исторической прародине. Даже много столетий спустя после завоевания Британии они продолжали сохранять память о королях, правивших ими на континенте, в частности о короле Оффе, жившем за двенадцать поколений до своего знаменитого мерксийского потомка и тезки⁷. Сказанное не исключает, однако, того, что у отдельных англосаксонских племен существовали иные формы политического устройства. Так, по сообщению Беда Почтенного, у наиболее близких родичей англосаксов – континентальных саксов, или «старых» саксов, как он их именуется, королевская власть не получила распространения. Вместо королей они имели целый ряд начальников, которых Беда характеризует латинским термином *satrapae*; из их числа в период войны по жребию избирался военный предводитель⁸. Следует учитывать, правда, что замечание Беда относится к концу VII – началу VIII столетия; каково было положение с королевской властью у «старых» саксов до этого, нам неизвестно.

Не вызывает сомнения и тот факт, что ранний англосаксонский король получал свой титул по праву рождения, о чем свидетельствует сама этимология древнеанглийского слова *cyning*, обо-

значавшего его носителя. Суффикс этого термина – *ing* в древнеанглийском языке носил патронимическое значение «сын, потомок такого-то»; на этом основании было высказано правдоподобное предположение, что вначале рассматриваемый термин означал не более как членов определенного рода, из которого и избирались первые англосаксонские короли⁹. Кроме того, источники, излагающие ранний период их истории, отводят настолько много места изложению королевских генеалогий, что с небольшой долей преувеличения можно говорить о них как об одном из наиболее ценных достояний любого англосаксонского короля¹⁰.

Сохранилось восемь королевских генеалогий англосаксов, из которых семь¹¹ возводят происхождение династий конунгов к германскому богу Одину; лишь короли Эссекса прослеживали свое происхождение от другого языческого божества – Сакнота, которого обычно либо считали сыном Одина, либо отождествляли с богом Тором¹².

Согласно сообщению Беда, повторенному затем «Англосаксонской хроникой», короля Кента Этельберта (560–616 гг.) отделяли от Одина восемь поколений, на что указывает и автор «Истории бриттов» Ненний¹³.

Основатель королевской династии Уэссекса Кердик (519–534 гг.) считался потомком Одина в седьмом поколении¹⁴; непосредственно от Одина выводили свое происхождение уэссекские короли Кеолвульф (597–611 гг.) и Этельвульф (839–858 гг.)¹⁵. По утверждению епископа Ассера, видимо, почерпнутому из генеалогии Этельвульфа в «Англосаксонской хронике», король Альфред Великий вел свое происхождение от Одина как по отцовской, так и по материнской линиям¹⁶.

Ни Беда, ни «Хроника» не приводят генеалогического ряда королей Восточной Англии. Несомненно, однако, что ее правители также полагали своим прародителем Одина, на что существует прямое указание Ненния¹⁷ и косвенные свидетельства погребения в Саттон Ху, демонстрирующие тесные связи восточно-английской династии с Южной Швецией, где почитание этого бога было особенно сильно¹⁸.

Династия конунгов Мерсии обнаруживает то же происхождение от Одина, что и правители других королевств и одновременно, как уже указывалось, наиболее тесные из всех англосаксонских королевских домов связи с континентальным институтом королевской власти. Как первый ее вполне достоверный представитель Пенда (626–655 гг.), так и самый известный его потомок Оффа (757–796 гг.) снабжены «Англосаксонской хроникой» генеалогиями, возводящими их род к божественному предку¹⁹.

Сходным образом в Нортумбрии короли и Брениции, и Дейры происходят от Одина, хотя и от разных его потомков. Линия королей Брениции идет от его сына Бельдега, а династия Дейры – от другого сына Вегдега²⁰.

Таким образом, почти все королевские династии VI–VIII столетий объединяло сознание происхождения от общего божественного прародителя, возникшее, возможно, еще до переселения англосаксов в Британию. Однако сакральный характер ранней королевской власти заключался не только в этом. По сути дела, как языческий, так и впоследствии христианский англосаксонский король²¹, был той сакральной фигурой, которая связывала в единое целое родоплеменной социум, а затем формирующуюся государственную организацию, и соотносила их с космическими и божественными сущностями, в которые они были вплетены. Такие представления, несомненно, шли из глубокой древности и имели общее индоевропейское происхождение. Аналогичным общегерманской, а шире индоевропейской, традиции является представление о королевской власти как о структурообразующем стержне социума, стержне, который органично встроено в общемировоззренческую картину мира; представление о самом короле, который как «священный царь», а тем самым и «верховный жрец», оказывается посредником-медиатором между миром богов и миром людей. Будучи носителем божественного дара (харизма, мана), он обладает рядом особых способностей и свойств, которые несут удачу и процветание всему его народу²².

Вместе с тем отдельные элементы этих представлений у англосаксов находили специфическое отражение в концепции сакрализации возникающей у них государственности. Сюда можно отнести некую размытость в понимании харизмы королевской власти, когда она распространяется не только на конкретного носителя королевского титула, но и на всех членов его рода. Отсюда распространенный у ранних англосаксов обычай разделения власти между двумя и более королями, который прослеживается, фактически, вплоть до конца исследуемого периода. Следует обратить также внимание на более тесную, нежели в общегерманской традиции, связь сакральной власти королей у англосаксов с близнецным культом, культом коня и медведя и представлениями о мировом древе как основном формообразующем элементе модели мира. В этом же ряду стоит особое значение, которое англосаксы придавали функции носителя королевской власти, как военного предводителя, призванного обеспечить победу и теряющего свою харизму в случае поражения²³.

Завоевательно-колониционный характер появления англосаксонских племен на Британских островах неизбежно должен был привести к резкому усилению власти этих военных предводителей, хотя люди, которые возглавляли переселенцев, не обязательно были королями по титулу. В «Англосаксонской хронике», в частности, упоминается о том, что вождь (в источнике употреблен термин *ealdorman*) западных саксов Кердик, под руководством которого началось завоевание Уэссекса,

принял его почти 25 лет спустя²⁴. Неизбежность такого усиления диктовалась как необходимостью сконцентрировать власть в условиях непрекращающихся военных столкновений с кельтским населением Британии, в целом оказывавшим ожесточенное сопротивление англосаксам, так и потребностями усложняющейся по мере оседания поселенцев на захваченных территориях социально-политической структуры.

Видимо, еще на континенте королевская власть у англосаксов стала наследственной, но не единоличной; первоначально речь шла отнюдь не о прямом наследовании престола в порядке первородства. Претендентом на него мог стать любой из сыновей предыдущего короля, а также его дядя, брат или племянник (даже при наличии сыновей)²⁵. Очевидно, что в этот период королевская власть еще рассматривалась как прерогатива не одного лица, а королевского рода (*stirps regia*) в целом; с разрастанием рода количество таких претендентов могло, естественно, увеличиваться. Судя по сохранившимся генеалогиям, королем мог оказаться в принципе любой знатный англосакс, который был в состоянии подтвердить свое происхождение от царственных предков хотя бы в седьмом поколении. Таким королем, к примеру, был правитель Мерсии Кенвульф (796–821 гг.)²⁶. Кроме того, следует иметь в виду уже упоминавшийся обычай разделения королевской власти между двумя и более представителями *stirps regia*. Примеры такого совместного правления прослеживаются в VI–VIII вв. во многих англосаксонских королевствах. Так, в раннем Кенте соправителями начавшего завоевание Хенгста последовательно были Хорса, а после смерти последнего, его сын Эск. Даже в конце VII столетия кентцы имели в качестве правителей дуумвират Хлотаря (673–686 гг.) и Эдрика (685–686 гг.), издавший совместный законодательный сборник. На начальном этапе становления королевства Уэссекс им сообща управляли Кердик и его сын Кинрик (519–560 гг.); уэссекский король Кинегильс (611–642 гг.) имел соправителем своего сына Квихельма (641–672 гг.). Таким же фактическим соправителем своего отца, нортумбрийского короля Освью (642–670 гг.) в период синода в Уитби был распоряжавшийся в южной части королевства, в Дейре, Элхфрит (670–685 гг.). Нередки были случаи дуумвирата или даже триумвирата братьев. Например, в Эссексе королю Свитхельму наследовали его сыновья Сигхере и Себби; после смерти последнего на трон вступили его сыновья Сигхард и Свефред. Три сына стали наследниками короля Кента Уитреда (694–725 гг.)²⁷.

Достаточно сложен вопрос о том, имел ли правящий конунг возможность назначения своего преемника. В «Англосаксонской хронике» для характеристики процесса восшествия на трон нового короля чаще всего используется носящее весьма неопределенный смысл выражение *feng to rice*, т.е. «(такой-то) принял (или взял)

королевство»²⁸, ничего не говорящее о том, как это конкретно произошло. Скорее всего, приход к власти каждого следующего короля во многом зависел от того, пользовался ли претендент на престол поддержкой родоплеменной, а затем и служилой знати. Более того, в источниках изредка встречается фраза «был избран королем» (*ceosan to cyninge*)²⁹, заставляющая думать, что выбор нобиями между существующими претендентами не был простой фикцией. Таким образом, воцарение англосаксонского короля в VI–VIII вв. может быть охарактеризовано как нечто среднее между избранием (выбором) из числа наиболее достойных и наследственно-родовым принципом, непременно подразумевавшим происхождение будущего конунга из королевской семьи.

Вплоть до конца рассматриваемого периода описанный порядок наследования престола был причиной бесчисленных кровавых столкновений внутри ранних англосаксонских государств. Вот несколько примеров из истории двух наиболее мощных королевств, показывающих, что в конечном счете судьба короны чаще всего зависела от индивидуальных, прежде всего, военных способностей будущих королей. После смерти уэссекского короля Кенваллы в 672 г. все его преемники в течение более чем пятидесяти лет приходили к власти в результате упорной борьбы со своими родичами. Так, Кедвалла (686–688 гг.), член той линии королевского дома, которая до этого никогда не давала Уэссексу королей, стал правителем в ходе длившейся более года междоусобной войны³⁰. Его преемник, наиболее известный представитель династии западно-саксонских королей VII–VIII вв., Инэ (688–725 гг.) происходил из ее другой ветви и также неоднократно должен был с оружием в руках отстаивать свое право на престол от притязаний ближайших сородичей³¹. Ему наследовал Этельхард (726–740 гг.), родственные связи которого с предшествующими королями вообще неизвестны; он сразу же столкнулся с претензиями на трон своего троюродного брата Освальда³². Первый самостоятельный правитель Мерсии Пенда (626?/632? – 655 гг.), по происхождению принадлежавший к младшей ветви династии мерсийских конунгов, проложил себе путь к власти путем военных побед как над своими сородичами, так и над Уэссексом. Впервые он появляется в анналах еще в 628 г. как победитель западных саксов, но фактически становится королем только после победы над нортумбрийским Эдвином (617–633 гг.)³³. Вплоть до 716 г. Мерсией правили сыновья и внуки Пенды, пока на престол опять-таки с помощью оружия не вступил Этельвальд (716–757 гг.), внук брата Пенды Алвео, находившегося в период его правления в изгнании. После смерти Этельвальда королем в результате длившихся почти два года внутренних распрей стал Оффа (757–796 гг.)³⁴.

Таким образом, существовавший в ранней англосаксонской Британии порядок престолона-

следования и представление о королевской власти как достоянии всего рода, а не отдельной личности, были главными причинами бесчисленных междоусобий в изучаемый период. Стабильность и процветание первых королевств в решающей степени зависели от военных успехов их правителей и способности их преемников закрепить за собой трон силой оружия.

Точные границы прав и прерогатив королей англосаксов на первом этапе становления раннеклассового общества определить чрезвычайно сложно, но, судя по всему, король был прежде всего военным вождем своего народа и символом его единства. Героическая поэзия, «Церковная история» Беда и «Англосаксонская хроника» наполнены описаниями воинских доблестей, верности своим людям и мужества первых конунгов-воителей типа Хенгста, Кердика или Пенды, слава которых зачастую и доставляла им трон. С течением времени, очевидно, доблести короля-воина были возведены в ранг традиции: важнейшей обязанностью любого носителя королевского титула в VII–VIII вв. оставалась защита территории своего королевства от посягательств извне и повышение престижа своей династии за счет ее расширения путем присоединения соседних территорий³⁵. Несомненно также, что до принятия христианства они продолжали отправлять ключевые функции посредников между языческими божествами и своим племенем; как уже отмечалось, они обычно играли решающую роль и при введении в своих королевствах новой веры. Небольшие по размерам, эти королевства первоначально представляли собой, скорее, протогосударственные вождества с зачаточной системой политических институтов³⁶.

Тем не менее к началу VII в., на наш взгляд, у англосаксов постепенно происходит переход от родоплеменных в своей основе чифдомов к территориально-политическим объединениям и ранней государственности. Одним из самых существенных показателей этого может служить появление в 601–604 гг. их первого дошедшего до нас писаного законодательства – законов кентского короля Этельберта.

Королю и королевской власти непосредственно так или иначе посвящено 12 из 90 титулов этого судебника. Их анализ показывает, что положение и социально-политические функции носителя королевского титула уже в это время заметно отличались от положения в обществе любого другого знатного человека. Несмотря на то, что в соответствии с существовавшими нормами обычного права король, действия которого наносили государству вред, мог быть изгнан или убит³⁷, его личность специально выделялась составителями судебника. Так, в «Правде» Этельберта устанавливалось двойное возмещение за драку в присутствии короля, за вторжение в его резиденцию и разбой, за нарушение королевского

покровительства, а за кражу его имущества – девятикратный штраф³⁸.

Правда, в начале VII столетия формы защиты имущества, мира и достоинства короля не выходили еще за рамки обычного права, поскольку аналогичные возмещения в пониженном, разумеется, размере были установлены и для других свободных людей³⁹. По-видимому, правовая интерпретация личности короля в это время базировалась на представлении о нем, как одном из членов племени. Но по королевским искам взыскиваются уже не просто повышенные, а наивысшие штрафы⁴⁰, что свидетельствует об определенном повышении его статуса и в чем, вероятно, можно видеть признаки некоторой трансформации традиционно-архаических взглядов на персону короля.

Такой вывод, как представляется, может быть подтвержден и данными юридической компиляции X – начала XI в., в которой, однако, были использованы правовые положения, относящиеся к VII столетию. Речь идет о так называемых «Законах северных людей», согласно которым вергельд за убийство короля, равный вергельду эрла, выплачивался его роду и такая же сумма – «народу» (*leodum*) для оплаты «королевского достоинства» (*cyndomas*)⁴¹. О том, что практика и ранее была такова, свидетельствует «Англосаксонская хроника», где под 694 г. упомянуто о выплате жителями Кента 30 тысяч пенсов королю Уэссекса Инэ за сожжение его родственника Мула, члена королевской семьи⁴². Видимо, точно так же, как и в законах Этельберта, здесь проявляется своеобразное сочетание старых и вновь возникающих представлений о короле, когда он рассматривается не только как представитель определенного рода, пусть и знатного, но и как лицо, стоящее на вершине общественной пирамиды⁴³. Дополнительная оплата «королевского достоинства», с этой точки зрения, может быть понята лишь как особый статус короля, возвышающегося не только над родоплеменными структурами, но и над знатью.

Определенные изменения в понимании королевского статуса и функций заметны и в тех титулах «Правды Этельберта», которые посвящены праву частного покровительства. Они свидетельствуют о том, что уже в это время король присваивает себе право опеки не только как представитель того или иного рода, но и как господин некоей территории. Например, в титуле 6 прямо указывается, что в случае убийства свободного человека виновный выплачивает не только вергельд его сородичам, но и возмещение (50 шиллингов) королю как «господину» (*to drihti-beage*)⁴⁴. Одновременно с этим король, судя по некоторым титулам сборника, начинает осуществлять право персонального патроната и по отношению к тем лицам, которые не находятся в его прямом подчинении⁴⁵. Тем самым он узурпирует одну из важнейших функций родовой организации – оказание защиты всем ее членам и применение

санкций по отношению к нарушителям обычая. Очевидно, что и в данном случае мы имеем дело с правовым сознанием, которое рассматривает короля как лицо, уже возвышающееся над родоплеменной структурой.

Сходные по смыслу с вышеприведенными положениями титулы мы встречаем также в кентских судебных книгах конца VII в., приписываемых королям Хлотарю и Эдрику и Уитреду. Например, законы Хлотаря и Эдрика устанавливают специальные штрафы в пользу короля за нарушение мира в любом жилище. Так, за нанесение словесного оскорбления виновный выплачивал королю штраф в 12 шиллингов, в то время как оскорбленному доставалось всего 6 шиллингов; такие же компенсации выплачивались королю в случае возникновения ссор и вооруженных драк на пиру⁴⁶. Пролитие крови карается, помимо вергельда пострадавшему, штрафом в пользу короля, равным штрафу, предусмотренному судебником Этельберта, т.е. 50 шиллингов⁴⁷. Сборник Уитреда, подобно другим законодательным памятникам Кента, также считая короля представителем определенного рода, выделяет его, тем не менее, из массы соплеменников. Согласно судебнику, плата за нарушение королевского покровительства по сравнению с законами Этельберта не изменилась (50 шиллингов)⁴⁸. К концу VII столетия, однако, в законодательстве появились некоторые новые моменты, отсутствующие в более ранних судебных книгах и свидетельствующие о явном повышении статуса и социально-политических прерогатив кентских королей⁴⁹. Например, пойманного с поличным во время воровства свободного человека представляли на суд короля и во власти последнего было либо казнить преступника, либо продать его в рабство за море, либо заставить выкупиться ценой своего вергельда⁵⁰.

Более полно процесс эволюции статуса короля и функций королевской власти в VI–VIII вв. может быть прослежен при сопоставлении данных кентских судебных книг с законодательством, исходящим от короля другого англосаксонского государства – Уэссекса – Инэ. В этом самом раннем юридическом памятнике Уэссекса, хронологически синхронном с законами Уитреда, отчасти ощущается влияние постановлений кентских королей, но в целом он отражает специфику правовых представлений, сложившихся в уэссекском обществе, что относится и к интерпретации личности короля и границ его власти. Прежде всего обращает на себя внимание более высокая степень выделенности уэссекского короля не только из массы рядовых свободных, но и из среды знати, а также большая, в сравнении с Кентом, полнота прерогатив королевской власти. Так, судебник Инэ вводит гораздо более высокие штрафы за посягательство на имущество, домашний мир и достоинство короля. Вторжение в его бург, например, карается суммой в 120 шиллингов, тогда как законы Этельберта устанавливали за подобное

преступление штраф в 50 шиллингов⁵¹. Выше, чем в Кенте, был штраф в пользу короля в Уэссексе и в том случае, если речь шла о краже или грабеже⁵². Более того, сборник Инэ дает возможность королю казнить преступника, затеявшего вооруженную драку в его доме⁵³, в то время как ни в одном из кентских судебныхников подобного постановления нет. Многие титулы законов Инэ значительно определеннее в фиксации верховенства короля над всей территорией страны. Титул 10, например, гласит: «Если кто-нибудь в пределах нашего королевства (курсив мой. – А.Г.) совершит грабёж и насильственно отнимет имущество, то пусть он вернет награбленное и уплатит (штраф) 60 шиллингов»⁵⁴. Король Уэссекса получает часть компенсаций за убийство не только любого свободного западного сакса, но и чужестранца, а также присваивает себе право регулировать отношения между свободными и несвободными своего королевства⁵⁵.

Немаловажно и то, что в Уэссексе за королем была закреплена возможность применения карательных функций по отношению почти ко всему населению государства, хотя оно и не стало еще всеобъемлющим. Характерно, однако, что, попав под юрисдикцию короля, обвиняемый зачастую лишался возможности принесения очистительной присяги⁵⁶. Тем самым уэссекскими законами конца VII столетия было установлено представление о короле как о той верховной инстанции, которая может скорректировать и сам закон: ведь в том же судебнике утверждалось, что «любой человек может беспрепятственно посредством клятвы очиститься от обвинения в укрытии (краденого) и в убийстве человека...»⁵⁷. Если подозреваемому все же предоставлялась возможность снять обвинение, то он приносил очистительную клятву в присутствии «королевского соприсяжника» (*an cuningaede*)⁵⁸.

Приведенные примеры и весь контекст законодательства Инэ дают основание полагать, что к концу VII в. в англосаксонском или, по крайней мере, в уэссекском обществе начинают формироваться представления о короле, как носителе верховной государственной власти, который вправе распоряжаться свободой и даже жизнью подвластного ему населения. Возможно, именно осмысление своего положения как положения господина, имеющего право приказывать и требовать исполнения своих приказаний, позволило Инэ употреблять в прологе своих законов такие формулировки, как «мой народ» (*ure folk*), «мои эльдормены» (*ure ealdormen*), и, что весьма показательно, термин «подданные» (*undergetheodendra*) по отношению ко всем западным саксам⁵⁹.

На этом этапе развития политической системы, однако, идея повиновения и подданства королю как носителю высшей государственной власти еще только зарождается и во многом связана с развитием института патроната короля как частного лица и члена определенного рода.

Отмечая сочетание принципов подданства и частного покровительства в понимании отношений между королем и свободным населением Уэссекса конца VII столетия, можно одновременно предположить, что в обществе уже существовало осознание того, что в основе авторитета и власти носителя королевского титула лежат, скорее, права суверена, нежели его личные качества. Сами же короли, как уже было показано, видели в себе защитников и покровителей всех свободных своего государства и даже иноземцев. Как глава формирующегося государства, король, согласно ряду титулов судебного Инэ, получал судебные штрафы по искам свободных⁶⁰, а также требовал от них несения воинской службы и натуральных поставок (фирма, гафоль)⁶¹.

Нельзя не отметить также, что уже в этот период носители королевского титула серьезно выделялись своим внешним видом и атрибутикой, призванными подчеркнуть их выделенность из остального социума. Так, по свидетельству Беды Почтенного, власть одного из конунгов Нортумбрии начала VII в., Эдвина как на войне, так и в мирное время была так велика, что он передвигался по стране не иначе как на коне в сопровождении своих тэнов (*comes*) и перед ним всегда несли королевский штандарт; на поле боя перед ним также развевались некие «знамена» (*vexilla*). Даже когда он перемещался пешком, ему неизменно предшествовал штандарт, который римляне называли *tufa*, а англосаксы – *thunf*⁶².

Сказанное в значительной мере подтверждается данными археологии, позволяющими к тому же конкретизировать и более вещественно представить «материально-символический», если можно так выразиться, статус раннего англосаксонского короля. Наиболее впечатляющими из таких данных являются многие находки в погребении I захоронения в Саттон Ху, которые традиционно рассматривались, как знаки королевского достоинства⁶³. Необходимо, правда, иметь в виду, что тогда как письменные памятники касаются восшествия на трон и правления конунга, археологические материалы имеют дело с его смертью и погребением; тот факт, что предполагаемые регалии и инсигнии вообще оказались в могиле, создает дополнительную трудность, поскольку предполагается, что подобные символы должны были переходить к следующему правителю, ибо обладание ими служило легитимизации и преемственности власти. Кроме того, не исключено целевое изготовление указанных символов специально для погребальной церемонии⁶⁴.

Тем не менее специалисты-археологи обратили внимание на разительное сходство упоминавшегося «штандарта» короля Эдвина с найденной в погребении I комплекса Саттон Ху железной «стойкой»⁶⁵, которая находит полную аналогию с предметом из курганного могильника Бентри Грейндж (графство Дербишир), который руководитель раскопок 1861 г. определил как «по-

крытый рунообразной надписью шестизубцовый железный инструмент, более всего напоминающий обыкновенные вилы»⁶⁶. Близкий по форме объект обнаружен также в курганном погребении неподалеку от резиденции ранних нортумбрийских королей Иверинг (графство Нортумберленд). Подобное же церемониальное значение было приписано найденному в погребении в Саттон Ху обломку точильного камня, который был атрибутирован как «королевская эмблема»⁶⁷ и в котором большинство исследователей склонно видеть часть скипетра; его ближайшей аналогией является находка в курганном могильнике Сэнктон (графство Йоркшир). Сходным образом, как символы королевского достоинства, интерпретируются инкрустированные золотом, гранатами и стеклом по слоновой кости ястребы на кошельке из Саттон Ху, и особенно знаменитый шлем, чеканенный из золота и серебра⁶⁸.

Более того, есть основания полагать, что не только сами предметы из Саттон Ху, но и их тщательная «аранжировка» внутри погребальной камеры были указующими знаками высокого достоинства покойного как наследника власти Рима, защитника и сакрального покровителя своего народа в дни войны и мира. Несмотря на продолжающуюся дискуссию вокруг этих находок⁶⁹, в том числе по поводу того, кто именно был захоронен в погребении⁷⁰, ясно, что оно демонстрирует растущую силу королевской власти уже в 20–30-е гг. VII столетия.

В течение рассматриваемого времени англосаксонский король, таким образом, постепенно начинает занимать в социально-политической иерархии англосаксов место, несопоставимое с положением любого другого представителя аристократии. Еще в конце VII в. в законах Уитреда появляется норма, по которой королю, как и епископу, не требуются свидетели или принесение присяги в суде⁷¹. Нарушение мира в жилище короля, на территории его бурга и даже просто в его присутствии карается все большими штрафами. За королем закрепляется право применения карательных функций почти ко всему населению государства. Тем самым к середине VIII в. в англосаксонском обществе, по-видимому, уже формируется представление о короле как о верховном правителе и идеи подданства и повиновения королевской власти, что, несомненно, в свою очередь стимулировало последнюю к активизации кодификационных мероприятий. Уже законы Хлотаря и Эдрика фиксируют определенные элементы претензий королей на самостоятельную законодательную инициативу. Во вступлении, предпосланном их сборнику, кентские короли утверждают, что они «умножили право, введенное ранее» их предками⁷². Это замечание, правда, представляется довольно неопределенным и одинаково может означать как повторную запись ранее существовавших правовых норм с введением неучтенных казусов, так и создание

принципиально новых юридических положений, шедших вразрез со старым обычаем. Из весьма неясного указания в прологе к законам Инэ о том, что он «установил прочное право и правильное законодательство для народа нашего»⁷³, также почти невозможно определенно сказать, идет ли речь о радикальной реформе старых юридических норм, или не столько об «установлении», сколько о «восстановлении» права. Тем не менее проведенный анализ, как представляется, дает основания для предположения об определенном повышении законодательной самостоятельности англосаксонских королей VII–VIII вв., шедшего, очевидно, параллельно с общим расширением компетенции королевской власти в сфере государственного управления и изменениями в правовых понятиях о ней. В более широком плане можно, видимо, говорить и о том, что запись ранних англосаксонских судебныхников, проводившихся и в Кенте, и в Уэссексе по инициативе королевской власти, способствовала усилению законодательных функций королей в целом, поскольку придавала зафиксированному в «Правдах» обычному праву неизменный и окончательный вид. Бытующие в обществе юридические представления, в связи с этим, с течением времени должны были все больше и больше ориентироваться на восприятие и осмысление писаного права, а не прежнего устно передаваемого обычая. Кодифицированная в судебныхниках правовая система при этом была уже не только сводом наиболее мудрых и справедливых предписаний варварской эпохи, лишь поправленных и улучшенных, но и, во всяком случае отчасти, плодом законодательных усилий укрепляющейся королевской власти. К концу изучаемого периода, таким образом, архаический, родоплеменной аспект в восприятии личности короля и государственно-политических прерогатив его власти значительно ослабляется, хотя и не исчезает окончательно.

Примечания

- 1 См., напр.: *Гуревич А.Я.* Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // *Средние века.* М., 1953. Вып. 4. С. 49–73; *Савело К.Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 23–28, 49–68.
- 2 См.: *Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 73 и сл., 132–133.
- 3 См.: *Chadwick H.M.* The heroic age. Cambridge, 1912. P. 376–377; *Chaney W.A.* The cult of kingship in Anglo-Saxon England: The transition from paganism to Christianity. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 7–42; *Loyn H.R.* Anglo-Saxon England and the Norman conquest. L., 1970. P. 200 ff.; *Idem.* The governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. Stanford (Cal.), 1984. P. 24 ff.
- 4 См.: *Jolliffe J.* The constitutional history of medieval England. L., 1937. P. 23–29; *Kemble J.M.* The Saxons in England: A history of the English commonwealth till the

- period of the Norman conquest. L., 1849. Vol. 2. P. 41 ff.
- 5 Обзор современной англо-американской историографии по проблеме см.: *Rosenthal J.T.* A historiographical survey: Anglo-Saxon kings and kingship since World War II // *J. of British studies*. 1985. Vol. 24, № 1. P. 72–93.
- 6 См.: *Tacit.* Germ. 7; 10; 11; 33; 40 // P. Cornelius Tacitus. *Libri qui supersunt*. Lipsiae, 1960. Bd. I. S. 274, 278, 280.
- 7 См.: *Вудсид.* Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 16–17.
- 8 См.: *Beda Venerabilis.* *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*. I, 15 // *Monum. Hist. Brit. L.*, 1848. Vol. I. P. 110. Далее сочинение Беды цитируется с указанием номера книги и главы.
- 9 См.: *Blair P.H.* *An introduction to Anglo-Saxon England*. Cambridge, 1956. P. 195.
- 10 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, Prol. // *English historical documents*. L., 1955. Vol. I. P. 136–137. Далее «Англосаксонская хроника» цитируется по данному изданию с указанием года и страниц. См. также: *Dumville D.* *Kingship, genealogies and regnal lists // Early medieval kingship* / Ed. by P.H. Sawyer and I. Wood. Leeds, 1977. P. 72–104; *Sisam K.* *Anglo-Saxon royal genealogies // Proceedings of the British Academy*. 1953. Vol. 39. P. 287–343.
- 11 Речь идет о королевских династиях Кента, Уэссекса, Восточной Англии, Мерсии, Берниции, Дейры и Линдсея.
- 12 См.: *Chaney W.A.* *Op. cit.* P. 28–29.
- 13 См.: *Beda Venerabilis.* *Historia*. I, 15; II, 5; *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.449. P. 143; *Nennius.* *British history and the Welsh annals* / Ed. and transl. by J. Morris. L.; Chichester, 1980. P. 53–54.
- 14 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, Prol., a.552. P. 136, 145.
- 15 *Ibid.* a.597, a.855–858. P. 147, 175.
- 16 См.: *Ассер.* *Жизнь Альфреда Великого // Стасюлевич М.М.* *История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых*. 4-е изд. Пг., 1915. Т. 2. С. 307.
- 17 См.: *Nennius.* *Op. cit.* P. 77.
- 18 См.: *Voyage to the other world: the legacy of Sutton Hoo* / Ed. by C.B. Kendall and P.S. Wells. Minneapolis, 1992. P. 238 ff.
- 19 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.626, 757. P. 149, 163.
- 20 *Ibid.* a.547, 560. P.145; *Nennius.* *Op. cit.* P. 76–77, 78–79.
- 21 Следует, разумеется, иметь при этом в виду значительные изменения, которые претерпела сакрализации власти при переходе от язычества к христианству. Ср.: *Chaney W.A.* *Op. cit.* P. 247 ff.
- 22 См.: *Селицкий А.И.* *К проблеме реконструкции общеевропейской концепции сакрализации власти // Мир власти: традиция, символ, миф.* Материалы Рос. науч. конф. молодых исследователей 17–19 апреля 1997 г. М., 1997. С. 3–5.
- 23 Подробнее о сакральных функциях ранних англосаксонских королей см.: *Chaney W.A.* *Op. cit.*
- 24 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a. 495, 519. P. 144.
- 25 *Ibid.* a.534, 611, 617, 626. P. 145, 148, 149.
- 26 См.: *Sisam K.* *Op. cit.* P. 298.
- 27 См.: *Fisher D.J.V.* *The Anglo-Saxon age, c.400–1042*. N.Y., 1993. P. 120–121.
- 28 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.709, 729, 741, 860. P. 158, 159, 161, 175.
- 29 *Ibid.* a.757. P. 163.
- 30 *Ibid.* a.685, 686. P. 155–156.
- 31 *Ibid.* a.688, 694, 715, 721. P. 156, 157, 158, 159.
- 32 *Ibid.* a.726. P. 159.
- 33 *Ibid.* a.628, 633. P. 150; *Beda Venerabilis.* *Historia*. II, 20.
- 34 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.716, 757, 759. P. 158, 162, 163.
- 35 См.: *Baker G.P.* *The fighting kings of Wessex: a gallery of portraits*. N.Y., 1991; *Kirby D.P.* *The earliest English kings*. L., 1991; *Wallace-Hadrill J.M.* *Early Germanic kingship in England and on the continent*. Oxford, 1971; *Yorke B.* *Kings and kingdoms of early Anglo-Saxon England*. L., 1990.
- 36 См.: *The origins of Anglo-Saxon kingdoms* / Ed. by S. Bassett. L.; N.Y., 1989.
- 37 В 774 г. был низложен и отправлен в изгнание король Нортумбрии Эльхред, а уэссекский правитель Сигеберт в 757 г. был лишен трона «по причине неправедных деяний». (см.: *The Anglo-Saxon Chronicle*, a.757, 774. P.162, 164.)
- 38 См.: *Aethelbert*, 3; 4; 5; 8 // *Die Gesetze der Angelsachsen* / Hrsg. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd.1. S.3. Далее ссылки на королевские законы даются по этому изданию.
- 39 См., напр.: *Aethelbert*, 1; 13; 15; 17.
- 40 Нарушение королевского покровительства, например, карается штрафом в 50 шиллингов, тогда как подобное же правонарушение в отношении эрла оценивается в 12 шиллингов, а рядового свободного – в 6 шиллингов. (*Aethelbert*, 8; 13; 15.)
- 41 См.: *Northleoda laga*, 1.
- 42 См.: *The Anglo-Saxon Chronicle...*, a.694. P.157.
- 43 Собственно вергельд короля по «Законам северных людей» приравнивается к вире эрлов и составляет 15 тысяч тримс. См.: *Northleoda laga*, 2.
- 44 См.: *Aethelbert*, 6.
- 45 *Ibid.* 9; 84.
- 46 См.: *Hlothaere, Eadric*, 11; 12; 13.
- 47 *Ibid.* 14. Ср.: *Aethelbert*, 6.
- 48 См.: *Whitraed*, 2.
- 49 *Ibid.* 16; 22; 27.
- 50 *Ibid.* 26.
- 51 См.: *Ine*, 45. Ср.: *Aethelbert*, 5.
- 52 См.: *Ine*, 10. Ср.: *Aethelbert*, 10.
- 53 См.: *Ine*, 6.
- 54 *Ibid.* 10.
- 55 *Ibid.* 23; 50.
- 56 Например, вор, захваченный на месте преступления. *Ibid.* 15, §2.
- 57 *Ibid.* 46, §2.

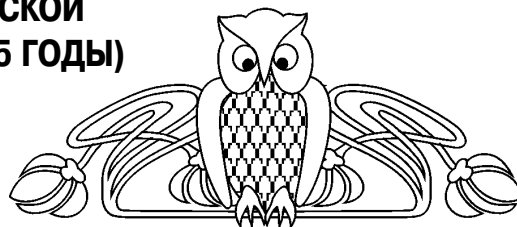
- ⁵⁸ Ine, 6. 54.
⁵⁹ Ibid. Prol.
⁶⁰ Ine, 6, §2–5; 7; 27.
⁶¹ Ibid. 44, §1; 51; 70, §1.
⁶² См.: *Beda Venerabilis*. *Historia*. II, 16.
⁶³ См.: *Bruce-Mitford R.L.S.* *Aspects of Anglo-Saxon archaeology: Sutton Hoo and other discoveries*. L., 1974; *Gamber O.* *The Sutton Hoo military equipment – an attempted reconstruction* // *J. of Arms and Armour Society*. 1966. Vol. 5. P. 265–289; *Green C.* *Sutton Hoo: the excavation of a royal ship-burial*. L., 1963.
⁶⁴ Подробнее см.: *Arnold C.J.* *An archaeology of the early Anglo-Saxon kingdoms*. 2-nd ed. L.; N.Y., 1997. P. 207–208.
⁶⁵ *Bruce-Mitford R.L.S.* *Op. cit.* P. 7–17.
⁶⁶ *Arnold C.J.* *Op. cit.* P. 208.
⁶⁷ *Bruce-Mitford R.L.S.* *Op. cit.* P. 6.
⁶⁸ См.: *Arnold C.J.* *Op. cit.*
⁶⁹ Из современной литературы, посвященной погребению в Саттон Ху, см.: *The age of Sutton Hoo: the seventh century in north-western Europe* / Ed. by M.O.H. Carver. Woodbridge; Rochester, 1992; *Carver M.O.H.* *Sutton Hoo: Burial ground of kings?* Philadelphia, 1998; *Evans A.C.* *The Sutton Hoo ship burial*. Rev. ed. L., 1994; *Voyage to the other world: the legacy of Sutton Hoo...*
⁷⁰ Традиционно считалось, что погребение в Саттон Ху принадлежало королю Восточной Англии Рэдвальду (? – ок. 625 г.); в последнее время появилась точка зрения, приписывающая его королю Эссекса Сеаберту (? – после 605 г.). См.: *Arnold C.J.* *Op. cit.* P. 210.
⁷¹ «Слово короля, как и епископа безупречно и без присяги», – гласит текст источника. См.: *Wihtraed*, 16.
⁷² *Hlothaere, Eadric*, Prol.
⁷³ *Ine*, Prol.

УДК 94(410)32.001

РАССКАЗ ОРДЕРИКА ВИТАЛИЯ О СМЕРТИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ ВРЕМЕН ГЕНРИХА I (1100–1135 ГОДЫ)

Е.Е. Савицкий

Институт всеобщей истории РАН, Москва
Центр интеллектуальной истории
E-mail: savitski@rambler.ru

Статья посвящена анализу рассказа Ордерика Виталия о смерти Вильгельма Завоевателя (1087 г.) и ее значению в политической полемике времен Генриха I. Автор обращается к обстоятельствам смерти короля Вильгельма I, которые стали в последние десятилетия предметом полемики, в контексте рассмотрения сложной археологии текста Ордерика Виталия, с учетом прагматики того времени.

Ключевые слова: англо-нормандская история, «Церковная история» Ордерика Виталия, ритуал похорон, ритуал разграбления тел умерших, тело короля, модель текста, Ордериковская версия истории.

Orderick Vitaliy's Story about the Death of William the Conqueror in the Political Polemics during the Reign of Henry I (1100-1135)

Е.Е. Savitskiy

The article is devoted to the analysis of Orderick Vitaliy's story about the death of William the Conqueror (1087) and its importance in the political polemics during the reign of Henry I. The author examines the details of king William the Conqueror's death, which have provoked a lot of arguments for the last decades, considering a difficult structure of Orderick Vitaliy's text and taking into account the pragmatics of the period.

Key words: Anglo-Norman history, «Church history» of Orderick Vitaliy, burial ceremony, the ritual of robbing the dead bodies, the body of the king, the text model, Orderick's version of history.

Седьмая книга «Церковной истории» Ордерика Виталия завершается рассказом об обстоятельствах смерти Вильгельма Завоевателя в 1087 г.¹ Рассказ этот настолько хорошо знаком специалистам по англо-нормандской истории, что в своих работах они обычно просто пишут «об известных обстоятельствах кончины короля». Ордерик рассказывает о последней болезни государя, его предсмертной речи, «которая заслуживает, чтобы быть запомненной»², о благочестивых распоряжениях государя. Король в рассказе Ордерика знает час своей смерти: «В четверг 9 сентября король проснулся, когда Феб лишь начинал распространять над землей свои лучи, и услышал звук большого колокола на соборной церкви. Он спросил у присутствовавших, который час, и ему ответили: «Государь, в церкви св. Марии пробил час первый». Тогда король воздел глаза к небу, простер руки и воскликнул: «Госпожа Богоматерь святая Мария, препоручаю тебе себя, дабы своими молитвами ты примирила меня со своим дражайшим сыном Господом нашим Иисусом Христом». И сказав сие, умер»³.

Присутствовавшие при этом врачи от внезапности королевской кончины едва не потеряли разум, аристократы же сразу вскочили на лошадей и помчались в свои владения, все прочие же немедленно занялись грабежом, унося оружие, посуду, одежды, ткани и вообще все, что принад-